

ВИРТУАЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПРОПОВЕДНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XVII ВЕКА

ОКСАНА НИКА

Аннотация: В статье рассматриваются особенности выражения модальности в барокковой проповеди XVII века “руською мовою”. Виртуальная модальность характеризуется как результат сближения семантики реальной и ирреальной модальности в процессе взаимодействия разных информационных потоков и реализуется с помощью метатекстовых маркеров.

Ключевые слова: виртуальная модальность, барокковая проповедь XVII века, метатекстовые единицы, А. Радивилловский.

VIRTUAL MODALITY IN HOMILETIC DISCOURSE OF THE SEVENTEENTH CENTURY

Abstract: The article studies the peculiarities of expressing modality in the Baroque homily in the “Rus’ language” of the seventeenth century. Virtual modality is characterised as a result of convergence of the real and unreal modality semantics in the interaction of different information streams, and is realised by using metatext markers.

Keywords: Virtual Modality, Baroque Homily of the Seventeenth Century, Metatext Units, A. Radivilovsky.

“Виртуальную модальность” Татьяна Радзиевская (Радзіевська, 2013) понимает как “нейтрализацию дизъюнктивного отношения между объективной (реальной) и ирреальной модальностями и фактически его замену на отношения конъюнкции” (Радзіевська, 2013: 154), что, соответственно, сближает семантику реальной и ирреальной модальности. В общем виде она передает неуверенное утверждение (*как будто*). Виртуальная модальность соотносится с модальностью кажимости, выражением семантики неуверенности, недостоверности (проблематическая достоверность), которая, по мнению Нины Арутюновой (Арутюнова, 1998), “оставляет вопрос об истинностном значении предложения открытым” (Арутюнова, 1998: 843). Как утверждает Ольга Лаптева (Лаптева, 2004), средства выражения такой модальности “объединяются семантикой обдумывания, поиска, нахождения и выбора слова <...>, а это основано на общей семе неуверенности в точности выбора, осознании его приблизительности” (Лаптева, 2004: 18). В нашей работе рассматривается реализация виртуальной модальности как неуверенного утверждения в проповедническом дискурсе XVII века.

В лингвистике понятие “виртуальная модальность” употребляется для характеристики активных тенденций современного функционирования языка в определенных типах дискурсов. Изучение модальности в исторической перспективе раскрывает особенности ее реализации в лингвокультурологическом и когнитивно-коммуникативном планах, поскольку в разные историко-культурные периоды доминируют определенные способы работы автора с текстом и достижения речевого воздействия на читателя. В украинской и белорусской лингвистике проповедь XVII века недостаточно изучена в этом плане.

В барокковой проповеди XVII века модальность неуверенного утверждения определяет специфику построения текста эпохи Барокко, культурно-исторические рамки выявления автора, персвазийную ориентированность на широкий круг читателей. В этом плане виртуальная модальность является характерной чертой проповеди XVII века “руською мовою”, а ее интерактивность достигается созданием общего коммуникативного пространства проповедника и его аудитории (с этой целью чаще используются императивные формы глагола *уважмо, слухаймо, стосуймо, спитаймо*).

Новые требования к текстопостроению, выбору языковых и образных средств связаны с польским влиянием и подчеркнуты в названии такой проповеди – “казання” (например, “Казанье двое” Леонтия Карповича (Карпович, 1615) как одно из первых старопечатных изданий в развитии “русского” проповедничества XVII века). Основным источником нашего исследования стал старопечатный сборник барокковых проповедей Антония Радзивилловского “Венец Христов” (Радзивилловський, 1688).

В проповеди XVII века виртуальная модальность как неуверенное утверждение возникает в процессе обдумывания, поиска и выбора автором слова и реализуется с помощью определенных метатекстовых маркеров, но в итоговой части проповеди всегда подчеркивается категорическая достоверность. Основными средствами выражения виртуальной модальности в проповедническом дискурсе являются метатекстовые маркеры, которые могут раскрывать: а) межъязыковую “двуплановость”, которая возникает в процессе переключения языковых кодов, а именно: переход от цитаты на церковнославянском языке к ее интерпретации автором “руською мовою”; она может выражаться в поисках более точного слова, интерпретации цитированного как нетождественного в буквальном понимании, но близкого по смыслу; б) аналогичную “двуплановость”: смысловое объединение в одном тематическом блоке текста прецедентных слов и той интерпретируемой проповедником конкретной ситуации, которая соответствует их раскрытию.

Основные позиции реализации виртуальной модальности в проповедническом дискурсе XVII ст. реализуются в сочетании метатекстового маркера **іакѡвы** с предикатом (первичным или вторичным) для обозначения процесса речи: “прямая речь” + **іакѡвы рекль** (**іакѡвы рекши**) + авторская интерпретация текстовых смыслов в соответствии с темой и интенцией проповеди. Этот способ реализации виртуальной модальности обеспечивает общее смысловое пространство, в котором состоится переход от авторитетного цитирования к интерпретации проповедником тематических доминант, которые накладываются в различных информационных потоках.

Переход от одного языка к другому выделяется метатекстовым маркером, который приравнивает смысловую идентичность цитаты и ее интерпретацию, метатекстовый оператор **іакѡвы рекши** представляет соотнесенность смысла, но не буквальность перевода. Так, после цитирования Евангелия от Матвея А. Радивилловский проводит разграничение между церковнославянским и “руськомовным”: “**Аще хоцеши совершенъ быти, иди, продаж(д)ъ имѣніа твоя, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на нѣсехъ, и гради вослѣдъ мене. іакѡвы рекши: Виждь шлахетный мл(д)нче, иждь зычишь себѣ достъпити Цр(с)твѣа Нб(с)ногѡ, виждь иждь прагнешь, вныхъ вѣчныхъ добръ, оутѣхъ и роскошей нѣсныхъ(ъ); але вѣдай тоє (Радивилловский, 1688: 109).**

Например, в текстовом фрагменте “**Что сѧ т(ъ)кнетъ Писма Бггѡ: рекль Бгъ чрез(ъ) пр(б)рка Іусію: Погибель твоя из(ъ) тебе Іілю, токмо въ мнѣ, помощъ твоя. кѡвы рекши: з(ъ)губа твоя ѡ Іілю з(ъ) тебе самогѡ, збавен(ь)є зась тоє з(ъ) мене самагѡ**” (Радиви-

ловський, 1688: 145 об.) в інтерпретації цитати змінюється словопорядок, лексика (погибель – з(ъ)гѣба, помощь – збавен(ь)є), з'являється експресивна конструкція ω Ілю.

Аналогічна “двуплановість” має місце в тих випадках, коли проповідник вистраиває аргументацію на основі різних прикладів, порівнюючи і зв'язуючи буквальне і символічне значення. Наприклад, проповідник XVII століття трактує тему про свободу волі людини, розкриваючи її на основі прикладу за аналогією: для отримання врожаю пшениці необхідно покласти зерно в землю, а не сподіватися тільки на сонце (Радивилівський, 1688: 146). Перехід від цього прикладу до розкриття теми проповіді здійснюється за допомогою метатекстового маркера *стосуймо*: “Стосуймо ж(ъ) тѣю наѣкѣ до пре(д)сѣ взатон рѣчи нашеи, до ω(т)пѣщенѣ грѣхѣвъ, и до ωдержанѣ живота вѣчногѣ” (Радивилівський, 1688: 146). Слід зауважити, що в цьому випадку А. Радивилівський передає зміни представлень про свободу волі людини і трактує совість як свободу волі, яку сам людина встановлює в залежності від його морального вибору. Розкриття цієї теми в проповіді певним чином впливає на зміну площин від ідеального християнина до реального, перетворює набір “добрих справ” в їх практичний план, тобто модальність категоричної достовірності може переходити в проблематичну.

Віртуальна модальність створює “двунаправленість” тексту з точки зору спостерігача і самонаблюдателя, поєднує модальність реальної і ірреальної для обдумування і вибору точного слова в інтерпретації цитованого джерела або співставлення текстових ситуацій за аналогією, встановлюваною суб'єктом, автором тексту, що в певній мірі створює загальне смислове простір для різних інформаційних потоків і реалізується за допомогою спеціальних засобів – метатекстових маркерів.

Библиография

1. Арутюнова, Нина (1998). *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.
2. Карпович, Леонтій (1615). *Казанье двое*. Єв'є: Друкарня Вільнюського братства.
3. Лаптева, Ольга (2004). “Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья вторая)”, *Вопросы языкознания*, 5: 17–31.

4. Радивилівський, Антоній (1688). *Вѣнецъ Хсѣвъ*. Київ: Друкарня Києво-Печерської лаври.

5. Радзівська, Тетяна (2013). “Дискурсивні аспекти динаміки української мови в контексті активних мовних процесів у слов’янському світі”, *Мовознавство*, 2–3: 149–162.